

Фото В. Кантора

Юрий Левитанский
(1922–1996)

Мое сокровенное

...Именно в январе — ровно сто лет назад — он появился на Божий свет, и в январе же — четверть века тому — покинул его. Поэт Юрий Левитанский навсегда остался новогодним человеком. Он любил этот первый из двенадцати месяцев как может любить снежный январь только мудрый и взрослый ребенок: не только за личную причастность к зачину года, за праздники и каникулы, но и за острое предчувствие кругового зарождения нового времени, за подспудно вызревающую весну с сарафанами и «легкими платьями из ситца». Вьюга еще кружит, но ее «кабала и опала» — недолговечны.

«— Чем же все это окончится? — Будет апрель. / — Будет апрель, вы уверены? — Да, я уверен. / Я уже слышал, и слух этот мною проверен, / будто бы в роще сегодня звенела свирель...»

Знаменитый «Диалог у новогодней елки», напечатанный в первой из его главных поэтических книг, в лирично-пронзительном «Кинематографе» (1970), вот уже более сорока лет звучит для нас голосами Никитиных из фильма «Москва слезам не верит».

Левитанский никогда не был песенником, но этот «Диалог...», как и балладное «Каждый выбирает для себя...», и печально-раздумчивое «Не поговорили» — повернулся к читателю и слушателю новыми тонально-гармоническими гранями.

Поздравляя вас со столетием Левитанского, нам захотелось представить его нежный, акварельный талант четырьмя стихотворениями: от прикровенного воспоминания о войне — к выношенной жажде предстояния перед Создателем и главного разговора с Ним.

Среди многих воспоминаний об этом большом поэте мне как-то особенно запомнились слова его ученицы и многолетней собеседницы Олеси Николаевой: «В нем была драгоценная любовь к скорбям — amor fati, — которая достается поэтам как крест и как дар. Плакальщик и печальник, наш вечный Пьеро, белая ворона среди здравомыслящих и комифотных московских поэтов...»

Пользуясь случаем, поприветствую создателей насыщенного и теплого интернет-сайта, посвященного Юрию Давидовичу (<https://levitansky.ru>), и благодарно поклонюсь жене поэта — замечательной Ирине Машковской-Левитанской. **Ф.**

Воспоминанье о красном снеге

Я лежал на этом снегу
и не знал,
что я замерзаю,
и лыжи идущих мимо
поскрипывали
почти что у моего лица.
Близко горела деревня,
небо было от этого красным,
и снег подо мною
был красным,
как поле маков,
и было тепло на этом снегу,
как в детстве
под одеялом,
и я уже засыпал,
засыпал,
возвращаясь в детство
под стук пролетки
по булыжнику мостовой,
на веранду,
застеклённую красным,
где красные помидоры в тарелке,
и золотые шары у крылечка —
звук пролетки,
цоканье лошадиных подков
по квадратикам
красных булыжин.

Павел Крючков,
заместитель главного редактора журнала «Новый мир»

Рисунок Евгении Меламуд

Задумал силой меряться
не с кем-нибудь — с судьбой.
Как Дон Кихот и мельница,
воюю сам с собой.

То вскачь гремлю доспехами,
то, спешившись, бегу.
Особыми успехами
похвастать не могу.

С насмешливыми лицами,
все злей день ото дня,
мои соседи рыцари
взирают на меня.

Но пусть гидальго бедного
не лавры ждут, увы,
а все ж он таза медного
не сдёрнет с головы.

Там, под щитом и латами,
душа его болит
и в бой идти с крылатыми
колдуньями велит...

Неспешно время мелется,
идет неравный бой.
Как Дон Кихот и мельница,
воюю сам с собой.

Зияют раны рваные
там, слева, под плечом,
и крылья деревянные
изрублены мечом.

Пред вами жизнь моя — прочтите жизнь мою.
Её, как рукопись, на суд вам отдаю,

как достоверный исторический роман,
где есть местами романтический туман,

но неизменно пробивает себе путь
реалистическая соль его и суть.

Прочтите жизнь мою, прочтите жизнь мою.
Я вам на суд её смиренно отдаю.

Я все вложил в неё, что знал и что имел.
Я так писал её, как мог и как умел.

И стоит вам хотя б затем её прочесть,
чтоб все грехи мои и промахи учесть,

чтоб всех оплошностей моих не повторять,
на повторенье уже время не терять, —

мне так хотелось бы, чтоб повесть ваших дней
моей была бы и правдивей, и верней!

Это я...

*(Из ненаписанных
стихотворений)*

Есть любимые книги,
есть любимые названья,
существующие
как бы отдельно,
независимо
друг от друга.

В наше время
демонстраций,
манифестаций,
всевозможных шествий
вижу себя
в одной из колонн
с транспарантом,
на котором начертано
самое моё любимое,
заповедное,
сокровенное,
от которого
дух у меня захватывает —
нет, не название,
нечто гораздо большее,
чем название
(жизни? судьбы? пути?),
возглас отчаянья,
крик о помощи,
мольба о помилованье —
это я,
это я, Господи,
Господи,
это я!